

лись в официальную кустарно-промышленную терминологию, разработанную в первые годы XX в., определявшую норму в 20 наемных рабочих, «безотносительно к тому, применяется ли заведением механический двигатель, или нет»⁷. Три таких, имеющих явно «кустарный» характер, заведения даже получили статус товариществ («Торговый дом Ев.Дм. Чарышниковой с сыновьями», «Товарищество Трошина И.М. и Бадянова А.И.» и «Торговый дом Гилева П.И. сыновья») (с. 63–65).

Энциклопедия охватывает 41 губернию, область войска Донского (Екатеринославская губ.) и царство Польское⁸. Центры литья колоколов и колокольчиков Московской, Ярославской, Вятской, Нижегородской (с. Пурех с деревнями), Новгородской (Валдай), Рязанской (Касимов) губ. уже были изучены достаточно хорошо⁹, однако в исследовании колокольного дела отдельных регионов оставались достаточно пространственные лакуны. Автору удалось объединить данные по всем губерниям, разбросанные в различных региональных изданиях. В книге собрано более 900 имен мастеров, владельцев колоколотейных мастерских, заводов и заказчиков «звонкой» продукции.

Как экономист, Глушецкий не мог обойти вниманием вопрос о ценах на колокольную продукцию. Следует отметить, что ранее эта тема в историографии не поднималась. Сопоставив стоимостные показатели, выражающие годовые объемы производства, с натуральными – производством колоколов в пудах, автор приходит к выводу о существенной разнице в стоимостных оценках продукции разных заводов, что объясняется двумя основными факторами: качеством продукции и используемого при отливке сырья (с. 62–63). Удачно дополняют книгу статистические выкладки годовых оборотов, объемов производства, количества рабочих на колокольных заводах, диаграммы, богатейший иллюстративный материал.

Но при всем богатстве представленного в книге материала едва ли можно утверждать, что научно-исследовательская работа по изучению российского колоколотейного про-

изводства закончена. Своих исследователей ждут богатейшие музейные коллекции и архивные документы, а книга А.А. Глушецкого послужит для них хорошей основой.

М.В. Карташова,
кандидат исторических наук
(Балахнинский музейный
историко-художественный комплекс)

Примечания

¹ Оловяшников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912; Переиздание: М., 2003.

² Об этом он ещё ранее издал книгу: *Глушецкий А.А. России бронзовое слово. О чем говорит дужный колокольчик.* М., 2007.

³ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. С. 261.

⁴ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. М.; Л., 1947. С. 97.

⁵ См., например: *Ганулич А.К.* К истории производства поддужных колокольчиков в России // Колокола: История и современность. Сборник статей. М., 1985. С. 168–182; *Духин И.А.* И заливается задорно нижегородский бубенец // Памятники отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1985. № 2(12). С. 145–152; *он же.* Валдайские колокольчики // Там же. 1990. № 2. С. 77–79.

⁶ Центральный архив Нижегородской области, ф. 45, оп. 242а, д. 51, л. 1.

⁷ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 143.

⁸ В книгу не включено великое княжество Финляндское, на территории которого существовало три центра по производству колокольчиков (см.: *Лавров О.Б.* К истории производства колокольчиков в Финляндии // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 221).

⁹ *Осокин С.И.* Пурехское меднолитейное производство во второй половине XIX – начале XX в. // Памятники истории и этнографии Горьковской области (Нижегородское Заволжье): Информационные материалы. Горький, 1989. С. 20–28; *Духин И.А.* Колокольные заводы Москвы. М., 2004; *Козлова Л.Г.* Купцы Гомулины // Нижегородский музей. 2006. № 11–12. С. 69–73.

О.С. Нагорная. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с., ил.

На протяжении долгих десятилетий многие сюжеты Первой мировой, или, как ее называют в Европе, Великой войны 1914–1918 гг. оставались вне поля зрения отечественных историков. Это можно объяснить целым рядом причин, основной из которых было стремле-

ние официальной советской историографии принизить ее значение и последствия по сравнению с революционными событиями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной. Крупнейшие специалисты практически всех национальных исторических школ – британ-

ской, французской, германской, австрийской, американской и даже турецкой – давно уже приступили к изучению колоссального корпуса документов, раскрывавших предпосылки, динамику и воздействие первого глобального конфликта на развитие государств и отдельные человеческие судьбы. Между тем советские историки сосредоточивали свое внимание на описании конкретных боевых операций армии и флота, что было актуально для нужд создававшейся РККА, либо на разоблачении империалистического характера войны с целью идеологического обоснования неприятия Москвой нормативных актов, сформировавших международно-правовую основу Версальско-Вашингтонского миропорядка.

Трагедия и подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. естественным образом заслонили собой предшествовавшую военную эпопею, которая привела к краху Российской империи. Только в конце 1960-х – середине 1970-х гг. вновь возник интерес к событиям Первой мировой в связи с появлением солидных трудов зарубежных историков и постепенным открытием доступа к военным и дипломатическим архивам периода царствования последнего самодержца. Однако лишь в 1990-е гг. отечественные специалисты, наконец, смогли приступить к объективному, компаративному, междисциплинарному научному поиску, направленному на изучение Великой войны 1914–1918 гг. как одного из крупнейших исторических событий XX в., фактически пролога современной истории¹.

Результатом именно такого поиска и стала рецензируемая монография молодого челябинского историка О.С. Нагорной, которая смогла поставить и подвергнуть глубокому анализу проблему военного плена – одну из ключевых для понимания характера и последствий Великой войны прежде всего в ее антропологическом измерении.

Следует сразу же подчеркнуть, что книга представляет собой во многих аспектах новаторское исследование не только для историографии Первой мировой войны в узком смысле, но и для отечественной исторической науки вообще. Впервые российский исследователь опирается на столь хорошо фундированную источниковую и историографическую базу, привлекая и сопоставляя материалы крупнейших архивохранилищ нашей страны и Германии в дополнение к обширной мемуарной литературе, нормативным актам межгосударственных организаций и документам международных гуманитарных фондов, а также извлечениям из периодических изданий. В первый раз международно-правовой, имагологический и культурно-антропологический аспекты воен-

ного плена рассмотрены в тесной взаимосвязи друг с другом. Никогда ранее отечественные историки не анализировали проблему реабилитации миллионов бывших военнопленных, связанную с их возвращением к мирной жизни и интеграцией в послевоенное общество.

Думается, что структура труда Нагорной полностью отвечает поставленной цели и сформулированным задачам исследования. Книга состоит из введения, пяти глав, каждая из которых делится, в свою очередь на несколько параграфов и сопровождается резюме, а также заключения, обобщающего сделанные выводы. В первой главе рассматривается отношение к пленным государства и общества, следующие три главы посвящены организации лагерной жизни, внутрилагерным отношениям и восприятию пленными лагерного опыта, в завершающей главе книги анализируются вопросы, связанные с возвращением из плена.

Важно подчеркнуть, что в монографии проведены заслуживающие внимания параллели между положением пленных до Первой мировой войны, на различных ее этапах и после завершения боевых действий в условиях общеевропейского революционного кризиса. Автору удалось внести заметный вклад в изучение попыток различных держав и политических движений использовать военнопленных в своих собственных интересах; детально рассмотреть морфологию лагеря и структуру лагерной жизни, включая вопросы самоорганизации пленных, использования их на принудительных работах, проведения досуга, взаимоотношений с местным населением и пленными других стран, восприятия посещений лагерей представителями различных благотворительных организаций. Заслуживает упоминания сравнительный подход к анализу положения российских, британских и французских военнопленных в местах лишения свободы на территории Германской империи. Он позволяет оценить степень государственной и общественной поддержки этих лиц странами Антанты, что в свою очередь дает возможность читателю сделать вывод об очередном этапе эволюции гражданского общества в Великобритании и Франции в сравнении с началом этого процесса в Российской империи.

При рассмотрении политики германских военных властей в отношении пленных Нагорная предложила классификацию лагерей и категорий заключенных в них лиц, а также проанализировала те трудности и противоречия, которые отличали репатриацию офицеров и солдат бывшей императорской армии в Советскую Россию. К безусловным заслугам автора необходимо отнести и рассмотрение судеб це-

лого ряда офицеров бывшего Генерального штаба, оказавшихся в плену и вернувшихся домой (например, М.Н. Тухачевского), либо тех, кто предпочел эмигрировать, чтобы избежать «преlestей» жизни в «большевицком раю».

Отметим также, что автору удалось не только внести коррективы в наше представление о характере плена как феномене мировых войн XX в., но и предложить свою оригинальную культурно-антропологическую концепцию места и роли военнопленных как особой маргинальной социальной группы в структурах обществ Германии и России. Нагорная обратила внимание на принципиальную разницу в отношении органов государственной власти к вернувшимся из плена лицам в первые годы существования советского режима и в период Великой Отечественной войны.

Монографию отличает хорошее полиграфическое оформление, наличие схемы расположения лагерей военнопленных в Германии и любопытные иллюстрации. Научно-справочный аппарат работы состоит из подробных постраничных сносок, комментариев и библиографических пояснений.

В заключение хотелось бы высказать ряд соображений и рекомендаций, которые могут быть приняты автором во внимание при продолжении исследований по указанной тематике. Прежде всего, достаточно спорной представляется концепция, предложенная британским историком С. Ферстером и, очевидно, разделяемая автором монографии, согласно которой войны периода 1861–1945 гг. могут быть объединены по критерию «тотализации военных действий» (с. 20), – ведь обе мировые войны коренным образом отличались от вооруженных столкновений XIX в., которые характеризовались несравнимо меньшими интенсивностью и продолжительностью. Было бы интересно провести сравнительный анализ положения русских военнопленных в трех империях – Германской, Австро-Венгерской и Османской, а также сопоставить ситуацию с ними и интернированными лицами, включая насильственно перемещенных некомбатантов, на различных этапах Первой мировой войны. Отдельной главы, очевидно, заслуживает анализ побегов военнопленных с точки зрения мотивов, результативности и последствий. Возможно, имело бы смысл больше внимания уделить роли нейтральных государств в предоставлении убежища для пленных, осуществлении посреднических усилий, содействии репатриации. Незаменимыми источниками по всем этим вопросам являются материалы Отдела о военнопленных 2-го Департамента

МИДа (ф. 160, оп. 708), которые остались пока вне поля зрения Нагорной. Для изучения проблемы интеграции военнопленных в социальные структуры Советской России имело бы смысл обратиться не только к федеральным, но и к городским архивам Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме того, в монографии, столь насыщенной событиями, именами и географическими названиями, остро ощущается недостаток соответствующих указателей. Наконец, в ряде случаев сам текст работы нуждается в тщательной стилистической редактуре, особенно в связи с употреблением специальных терминов, заимствованных из зарубежной исторической литературы.

В целом же, хотелось бы высказать уверенность, подкрепленную плодотворной дискуссией, которая состоялась на презентации книги в Германском историческом институте в Москве, что фундаментальное исследование О.С. Нагорной займет достойное место в историографии Первой мировой войны, найдя отклик в умах и сердцах не только специалистов, но и массового читателя.

Е.Ю. Сергеев,
доктор исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)

Примечание

¹ Помимо статей О.С. Нагорной, пленным периодом Первой мировой войны посвящены следующие исследования, вышедшие в последнее время: *Speed R. Prisoners, Diplomats and the Great War: A Study in the Diplomacy and Captivity.* N.-Y., 1990; *Sergeev E. Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und im Habsburger Reich (1914–1918)* // *Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte.* 1997. 1. Jahrgang. Heft 2. S. 113–134; *Overmans R.* (Hg.) *In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg.* Köln, 1999; *Солнцева С.* Военный плен в годы Первой мировой войны: новые факты // *Вопросы истории.* 2000. № 4–5. С. 98–105; *Leidinger H., Moritz V.* *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenen für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920.* Wien, 2003; *Nachtigal R.* *RUSsland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen.* Reimshalden, 2003; *Rachmimow A.* *POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front.* Oxford, 2004.